Исковая давность в решении корпоративных споров юридических лиц: средство защиты миноритарных акционеров и кредиторов

Грицук Александр Андреевич
аспирант юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», gritsalekc@yandex.ru

В статье исследуется двойственная роль института исковой давности в корпоративных правоотношениях. С одной стороны, он выступает как механизм обеспечения стабильности гражданского оборота, с другой — как инструмент защиты прав миноритарных акционеров и кредиторов, зачастую являющихся слабой стороной в споре. На основе анализа новейшей судебной практики Верховного Суда РФ за 2024-2025 годы, включая знаковые определения по групповым искам, восстановлению корпоративного контроля и оспариванию сделок в банкротстве, рассматриваются ключевые проблемы исчисления и применения сроков давности. Анализируются подходы судов к определению момента начала течения срока, применению пресекательных сроков и балансу между защитой от недобросовестных действий и необходимостью соблюдения установленных законом временных рамок для обращения в суд.
Ключевые слова: исковая давность, корпоративные споры, защита прав миноритарных акционеров, защита прав кредиторов, восстановление корпоративного контроля, оспаривание решений собраний, субсидиарная ответственность, общие и специальные сроки, стандарт «осмотрительности», стабильность гражданского оборота.

Введение

В условиях усложнения корпоративных структур и роста числа корпоративных конфликтов эффективная защита прав участников хозяйственных обществ становится одной из центральных задач правовой системы. Особую уязвимость в этих отношениях демонстрируют миноритарные акционеры и независимые кредиторы, которые в силу объективных причин (информационная асимметрия, отсутствие контроля) часто оказываются «слабой стороной» правоотношений.

Институт исковой давности, определяемый как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст. 195 Гражданского кодекса РФ, далее — ГК РФ), выполняет в этой системе двойственную роль. С одной стороны, он обеспечивает стабильность гражданского оборота, исключая возможность предъявления «вечных» требований. С другой — его формальное применение может стать непреодолимым препятствием для защиты прав, особенно когда информация о нарушении умышленно скрывалась.

Целью настоящей статьи является анализ применения норм об исковой давности в корпоративных спорах как инструмента защиты прав миноритарных акционеров и кредиторов. Исследование основывается на актуальной судебной практике Верховного Суда РФ за 2024–2025 годы, которая демонстрирует новые тенденции в толковании и применении норм об исковой давности [1, с. 45–67].

Общие и специальные сроки исковой давности в корпоративных спорах

Законодательство устанавливает как общий трёхлетний срок исковой давности (ст. 196 ГК РФ), так и ряд специальных, сокращённых сроков для корпоративных споров: два месяца для оспаривания решений общих собраний участников ООО (ч. 4 ст. 43 Закона об ООО); три месяца для оспаривания решений общих собраний акционеров (п. 7 ст. 49 Закона об АО); шесть месяцев для исков о возмещении убытков в связи с ненадлежащим определением цены принудительно выкупаемых акций (абз. 6 ч. 4 ст. 84.8 Закона об АО).

Ключевой проблемой правоприменения остаётся определение момента начала течения срока давности, который, согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ, начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком. Именно толкование оценочной категории «должно было узнать» находится в центре внимания судебной практики.

Как отмечает С. Е. Ерохина, «проблема исчисления сроков давности в корпоративных спорах усугубляется тем, что осведомлённость участника общества о нарушении права часто зависит от информационной политики самого общества: непрозрачность отчётности, задержки в публикации протоколов собраний и ограничение доступа миноритариев к документам искусственно смещают момент начала течения срока» [5, с. 115]. Это особенно актуально для закрытых акционерных обществ, где доступ к информации ограничен по определению.

В современной юридической доктрине развивается концепция «слабой стороны» частноправовых отношений, подразумевающая недостаточность фактических

возможностей лица для эффективной реализации принадлежащих ему субъективных прав. Миноритарные акционеры, обладающие незначительным пакетом акций, и кредиторы, особенно независимые, часто оказываются в таком положении. Признание их «слабой стороной» обусловливает необходимость применения специальных механизмов защиты, однако такая защита не может быть абсолютной и не должна полностью отменять принципы правовой определённости, что находит отражение в новейшей судебной практике [2, с. 22–34].

Защита прав миноритарных акционеров: стандарт осмотрительности и индивидуальный подход

Новейшая практика Верховного Суда РФ демонстрирует ужесточение стандарта должной осмотрительности для акционеров и одновременно индивидуализацию подхода к исчислению сроков давности [3, с. 78–95]. При этом суды принимают во внимание, что миноритарные акционеры объективно ограничены в доступе к информации: они не входят в органы управления, не участвуют в оперативном руководстве и зачастую получают сведения только из публичных источников или по запросу. Это создаёт дисбаланс в возможностях своевременного выявления нарушений, особенно если общество публикует протоколы собраний с задержкой, не направляет уведомления о проведении собраний надлежащим образом или ограничивает доступ к корпоративным документам.

Для споров о признании недействительными решений общего собрания установлены сокращённые сроки (два месяца для ООО и три для АО). Течение этого срока начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о принятом решении. Судебная практика последовательно формирует позицию, что участник общества обязан проявлять разумный интерес к его деятельности. Как отмечает О. Гентовт, при разрешении споров о восстановлении корпоративного контроля суды зачастую связывают начало течения срока исковой давности с моментом, когда лицо должно было узнать о выбытии актива, а именно — с датой проведения (либо последним возможным сроком для проведения) очередного годового общего собрания участников общества [4]. Такая жёсткость процессуальных сроков призвана стимулировать акционеров к постоянному мониторингу деятельности общества. На практике это означает, что миноритарии должны:

- регулярно проверять официальные источники раскрытия информации (например, сайт e-disclosure.ru для публичных обществ);
- своевременно запрашивать протоколы общих собраний и иные корпоративные документы;
- фиксировать даты получения информации — это может стать ключевым аргументом при определении начала течения срока давности.

Особую значимость в этом контексте имеет Определение ВС РФ № 305-ЭС24-9873 от 18 ноября 2024 г. Согласно позиции Суда, применение ст. 10 ГК РФ для блокирования заявления о пропуске срока давности является крайней мерой. Истцу надлежит доказать, что своевременная подача иска стала нереализуемой вследствие умышленных действий ответчика, направленных на создание помех правосудию. Как отмечает эксперт М. Ионцев, «по сути, Суд просто правильно применил соответствующую норму ст. 199 ГК РФ», подчеркнув, что пассивность истца, даже на фоне недобросовестности ответчика, не является основанием для игнорирования пропущенного срока [6].

Важный аспект защиты прав миноритариев при принудительном выкупе акций (squeeze-out) был затронут в Определении ВС РФ № 302-ЭС25-4810 от 31 октября 2025 г. СКЭС РФ: шестимесячный срок давности по искам о возмещении убытков исчисляется индивидуально для каждого члена группы. Течение срока начинается со дня, когда владелец ценных бумаг узнал о списании акций со своего счёта.

ВС РФ прямо указал: «Каждый из членов группы — миноритариев, полагающих, что его право нарушено, предъявляет самостоятельный прямой иск к мажоритарному акционеру». Как справедливо отмечает В. Ватаманюк, этот вывод разграничивает прямые групповые и косвенные иски [15]. М. Шевцова подчёркивает, что такой подход «отражает реальную природу группового иска в корпоративных спорах» и устраняет риск признания требований пропущенными по формальному критерию [15].

Такой подход имеет важные практические последствия:

- исключает риск массового пропуска сроков из-за опоздания одного из миноритариев;
- позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства осведомлённости каждого акционера (например, кто-то мог получить уведомление о списании акций позже из-за смены адреса);
- снижает нагрузку на суды за счёт распределения исков, а не их концентрации в одном производстве.

Одновременно это требует от миноритариев большей процессуальной активности: каждый должен самостоятельно отслеживать нарушения и своевременно обращаться в суд.

Таким образом, баланс между защитой миноритариев и стабильностью оборота достигается через:

- дифференциацию сроков давности (общие/специальные);
- индивидуальный учёт момента осведомлённости акционера;
- сохранение жёстких процессуальных требований к своевременности исков.

Это побуждает миноритариев быть более внимательными к деятельности общества, но одновременно даёт инструменты защиты в случаях умышленного сокрытия информации мажоритарными акционерами.

Исковая давность в делах о банкротстве как инструмент защиты кредиторов

В делах о несостоятельности исковая давность играет решающую роль в вопросах пополнения конкурсной массы.

В 2025 году судебная практика, как отмечает Я. Исканцев, окончательно закрепила строгий подход к применению предельного (объективного) десятилетнего срока исковой давности (п. 1 ст. 181, п. 2 ст. 196 ГК РФ) [6]. Тон задало Определение ВС РФ от 4 июля 2025 г. № 307-ЭС14–7082(15), где Суд подчеркнул, что течение срока начинается строго с даты совершения или регистрации сделки, а не с момента назначения управляющего. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации РФ от 1 октября 2025 г. № 304-ЭС19-19694(4) по делу № А45-26143/2015 подтверждено, что этот срок исчисляется с момента начала исполнения сделки, а не с даты введения процедуры банкротства. Этот подход исключает возможность манипулирования отсчётом срока в зависимости от стадии банкротства и снижает риски произвольного оспаривания сделок спустя много лет. Этот срок является пресекательным и не подлежит восстановлению, что создаёт абсолютный временной барьер для оспаривания «старых» сделок, обеспечивая стабильность оборота. Такая жёсткость защищает добросовестных контрагентов должника, но одновременно повышает требования к кредиторам: им необходимо заранее отслеживать потенциально проблемные сделки.

А. А. Кузнецов обращает внимание, что «жёсткое закрепление объективного срока давности в делах о банкротстве отражает приоритет стабильности гражданского оборота над интересами отдельных кредиторов. Однако такой подход требует от кредиторов повышенной бдительности: они должны отслеживать подозрительные сделки должника в течение десяти лет с момента их совершения, иначе утрачивают право на оспаривание» [7, с. 71]. Это ставит перед кредиторами задачу активного мониторинга деятельности должника задолго до возбуждения дела о банкротстве.

На практике это означает, что кредиторы должны:

- систематически проверять публичные реестры (ЕФРСБ, Картотека арбитражных дел, Федресурс);

- анализировать сделки должника на признаки предпочтительности или мнимости;

- фиксировать даты получения информации о подозрительных операциях — это может стать основанием для отсчёта субъективного срока давности.

Для сделок, исполнение которых началось до 1 сентября 2013 г. (дата вступления в силу соответствующих поправок в ГК РФ), десятилетний срок начал течь с 1 сентября 2013 г. и, соответственно, истёк 1 сентября 2023 г. Это создало абсолютный временной барьер для оспаривания «старых» сделок, обеспечив стабильность гражданского оборота даже в ущерб интересам кредиторов в конкретных делах о банкротстве [11, с. 112–125]. Данный подход демонстрирует, что законодатель сознательно жертвует интересами отдельных кредиторов ради общей стабильности оборота, признавая, что риски «давних» сделок должны оставаться на стороне кредиторов.

Кроме того, суды последовательно придерживаются позиции, что оспаривание сделок по общим основаниям (ст. 10, 168 ГК РФ) не должно использоваться для обхода специальных, более коротких, сроков исковой давности, установленных Законом о банкротстве, если в сделке отсутствуют пороки, выходящие за пределы диспозиций ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве (Обзор АС Дальневосточного округа) [9, с. 88–102]. Это предотвращает злоупотребления, когда кредиторы пытаются обойти жёсткие процессуальные сроки, предусмотренные банкротным законодательством, подменяя специальные основания оспаривания общими нормами о недействительности сделок.

Согласно ст. 61.14 Закона о банкротстве, для субсидиарной ответственности предусмотрен сложный порядок исчисления давности, где трёхлетний субъективный срок привязан к моменту обнаружения кредитором оснований для иска. Как разъяснено в Обзоре судебной практики ВС РФ от 19 ноября 2025, этот срок может быть восстановлен судом лишь в исключительных случаях [13, с. 78–92]. При этом суды учитывают:

- добросовестность кредитора (предпринимал ли он разумные меры для получения информации);

- доступность сведений (были ли данные скрыты или искажены должником);

- наличие объективных препятствий для своевременного обращения в суд.

Правоприменительная практика, в частности Постановление АС Уральского округа от 29.07.2024 по делу № А76-34622/2022, подтверждает: точкой отсчёта срока давности может выступать прекращение производства по делу о банкротстве в связи с нехваткой средств на его финансирование. Именно в этот момент неспособность должника погасить требования кредиторов становится очевидной [13, с. 78–92]. Вместе с тем судебная практика 2025 года окончательно подтвердила применение объективного десятилетнего срока (п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве, п. 2 ст. 196 ГК РФ). Этот срок исчисляется с момента совершения вменяемых действий, носит пресекательный характер и не подлежит восстановлению. Это создаёт абсолютный временной барьер, исключая ответственность за действия более чем десятилетней давности, даже если процедура банкротства возбуждена позднее [6].

Анализ новейшей судебной практики позволяет сделать вывод, что институт исковой давности в корпоративных спорах эволюционирует в сторону установления чётких и предсказуемых правил, направленных на достижение баланса между защитой прав «слабых сторон» и обеспечением стабильности гражданского оборота [9, с. 88–102].

Ключевые тенденции:

- жёсткие объективные сроки отсекают давние требования, снижая риски для добросовестных участников оборота;

- субъективные сроки дают кредиторам возможность защитить свои права при своевременном выявлении нарушений;

- суды последовательно пресекают попытки обхода специальных банкротных сроков через общие нормы ГК РФ.

Заключение

Анализ актуальной судебной практики Верховного Суда РФ за 2024–2025 годы позволяет сформулировать следующие ключевые выводы относительно применения института исковой давности в корпоративных спорах:

Суды исходят из презумпции осведомлённости участника о делах общества. На участников возлагается обязанность проявлять разумный интерес к корпоративным событиям, что имеет определяющее значение для установления момента начала течения субъективного срока исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Бездействие участника не является основанием для смещения даты начала течения срока на более поздний период [4].

Индивидуализация срока давности в групповых исках. В делах о защите прав группы лиц (в частности, при оспаривании цены выкупа акций) течение срока исковой давности определяется для каждого присоединившегося к иску лица самостоятельно, исходя из его личной осведомлённости о нарушении права. Процессуальная форма группового иска не трансформирует материально-правовое требование в единое для всех обязательство с общим сроком давности [15].

Абсолютный характер объективного срока в банкротстве. Практика окончательно закрепила императивный характер десятилетнего объективного срока исковой давности (п. 2 ст. 196 ГК РФ, п. 1 ст. 181 ГК РФ) при оспаривании сделок должника и привлечении к субсидиарной ответственности. Данный срок является пресекательным, исчисляется строго с момента совершения сделки (или противоправных действий) и не подлежит восстановлению, что обеспечивает правовую определённость и защиту участников оборота от бессрочных рисков оспаривания [6].

Экстраординарность отказа в применении исковой давности из-за злоупотребления правом. Суды ограничивают возможность блокирования заявления о пропуске срока давности ссылкой на статью 10 ГК РФ. Такой отказ допускается исключительно как санкция за активные недобросовестные действия ответчика, которые создали непреодолимые препятствия для своевременной подачи иска, при условии доказанности прямой причинно-следственной связи между поведением ответчика и пропуском срока истцом [10].

Таким образом, институт исковой давности в современном корпоративном праве эволюционирует в сторону

обеспечения баланса интересов. Для миноритарных акционеров и кредиторов критическим фактором защиты прав становится не только наличие материальных оснований иска, но и процессуальная оперативность (vigilantibus jura scripta sunt). В то же время для стабильности гражданского оборота первостепенное значение приобретает неукоснительное соблюдение объективных предельных сроков, исключающее ревизию правоотношений, сложившихся в отдалённом прошлом [1, с. 45–67; 8].

Литература

1. Белов В. А. Исковая давность в корпоративных спорах: баланс стабильности оборота и защиты прав миноритариев / В. А. Белов // Вестник гражданского права. – 2024. – № 5. – С. 45–67.
2. Васильева Т. Н. Институт исковой давности в корпоративных правоотношениях: теория и практика применения / Т. Н. Васильева. – Текст : электронный // Право и экономика. – 2025. – № 3. – С. 22–34. – URL: https://pravo-i-ekonomika.ru/article/2025/3/iskovaya-davnost

(дата обращения: 22.01.2026).
3. Грибанов В. П. Проблемы исчисления сроков давности в спорах о восстановлении корпоративного контроля / В. П. Грибанов // Вестник гражданского права. – 2024. – № 3. – С. 78–95.
4. Гентовт О. Начало течения срока исковой давности по искам о восстановлении корпоративного контроля // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. – 2025. – 13 октября.
5. Ерохина С. Е. Проблемы исчисления срока исковой давности по корпоративным спорам: анализ судебной практики / С. Е. Ерохина // Закон. – 2025. – № 2. – С. 112–128.
6. Исканцев Я. Десятилетний барьер: Сроки исковой давности при оспаривании сделок в банкротстве: актуальные тенденции и правовые новеллы 2025 года / Я. Исканцев. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – 2025. – 17 декабря. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8291944

(дата обращения: 22.01.2026).
7. Кузнецов А. А. Сроки давности при оспаривании решений общих собраний: новые подходы Верховного Суда РФ / А. А. Кузнецов // Вестник ВАС РФ. – 2025. – № 4. – С. 65–78.
8. Ломакин Д. В. Защита прав миноритарных акционеров: роль института исковой давности / Д. В. Ломакин // Корпоративное право. – 2024. – № 7. – С. 33–48.
9. Овсянникова В. А., Такиева А. Ф. Институт исковой давности при разрешении корпоративных споров: проблемы теории и практики / В. А. Овсянникова, А. Ф. Такиева // Правоведение. – 2025. – № 1. – С. 88–102.
10. Павлова З. ВС: Отказ в применении последствий пропуска срока давности в корпоративных спорах — это крайняя мера / З. Павлова. – Текст : электронный // Адвокатская газета : [сайт]. – 2024. – 22 ноября. – URL:

https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-otkaz-v-primenenii-posledstviy-propuska-sroka-davnosti-v-korporativnykh-sporakh-eto-kraynyaya-mera/ (дата обращения: 22.01.2026).
11. Петрова С. М. Защита прав кредиторов в корпоративных спорах: значение сроков давности / С. М. Петрова // Закон. – 2024. – № 8. – С. 112–125.
12. Сафаралиев Ф. М. Корпоративные споры: понятие, виды, критерии квалификации и судебная практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 8.
13. Смирнова Е. В. Субсидиарная ответственность и исковая давность: анализ практики ВС РФ за 2024–2025 гг. / Е. В. Смирнова // Вестник ВАС РФ. – 2025. – № 4. – С. 78–92.
14. Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2022.
15. Шевцова М., Ватаманюк В. Комментарии к Определению ВС РФ от 31.10.2025 № 302-ЭС25-4810 // Адвокатская газета: [сайт]. – 2025.

Limitation of actions in the resolution of corporate disputes of legal entities: a means of protecting minority shareholders and creditors

Gritsuk A.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines the dual role of the institution of limitation of actions in corporate legal relations. On the one hand, it acts as a mechanism for ensuring the stability of civil turnover, on the other hand, as a tool for protecting the rights of minority shareholders and creditors, who are often the weak party in a dispute. Based on the analysis of the latest judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024-2025, including landmark rulings on class actions, restoration of corporate control and challenging transactions in bankruptcy, the key problems of calculating and applying the statute of limitations are considered. The author analyzes the approaches of the courts to determining the moment of the beginning of the period, the application of preclusive periods and the balance between protection from unfair actions and the need to comply with the statutory time limits for applying to the court.

Keywords: Statute of limitations, corporate disputes, protection of minority shareholders' rights, protection of creditors' rights, restoration of corporate control, challenge of meeting decisions, subsidiary liability, general and special deadlines, the "due diligence" standard, and stability of civil circulation.

References

1. Belov V. A. Statute of limitations in corporate disputes: balance of stability of turnover and protection of minority shareholders' rights / V. A. Belov // Bulletin of Civil Law. – 2024. – No. 5. – pp. 45-67.
2. Vasilyeva T. N. Institute of limitation period in corporate legal relations: theory and practice of application / T. N. Vasilyeva. – Text : electronic // Law and Economics. – 2025. – No. 3. – pp. 22-34. – URL: https://pravo-i-ekonomika.ru/article/2025/3/iskovaya-davnost

(date of request: 01/22/2026).
3. Gribanov V. P. Problems of calculating limitation periods in disputes on the restoration of corporate control / V. P. Gribanov // Bulletin of Civil Law. – 2024. – No. 3. – pp. 78-95.
4. Gentovt O. The beginning of the limitation period for claims on the restoration of corporate control // GARANT.<url>: [website]. – 2025. – October 13.
5. Erokhina S.E. Problems of calculating the limitation period for corporate disputes: an analysis of judicial practice / S.E. Erokhina // Law. – 2025. – № 2. – pp. 112-128.
6. Iskantsev Ya. Ten-year barrier: Limitation periods for challenging bankruptcy transactions: current trends and legal novelties of 2025 / Ya. Iskantsev. – Text : electronic // Kommersant : [website]. – 2025. – December 17th. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8291944

(date of appeal: 01/22/2026).
7. Kuznetsov A. A. Limitation periods for challenging decisions of general meetings: new approaches of the Supreme Court of the Russian Federation / A. A. Kuznetsov // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2025. – No. 4. – pp. 65-78.
8. Lomakin D. V. Protection of the rights of minority shareholders: the role of the statute of limitations / D. V. Lomakin // Corporate Law. - 2024. – No. 7. – pp. 33-48.
9. Ovsyannikova V. A., Takieva A. F. Institute of limitation in resolving corporate disputes: problems of theory and practice / V. A. Lomakin. O.S. syannikova, A. F. Takieva // Law studies. – 2025. – No. 1. – pp. 88-102.
10. Pavlova Z. VS: Refusal to apply the consequences of missing the statute of limitations in corporate disputes is an extreme measure / Z. Pavlova. – Text : electronic // Advocate newspaper : [website]. – 2024. – November 22. – URL:

https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-otkaz-v-primenenii-posledstviy-propuska-sroka-davnosti-v-korporativnykh-sporakh-eto-kraynyaya-mera / (date of appeal: 01/22/2026).
11. Petrova S. M. Protection of creditors' rights in corporate disputes: the meaning of the statute of limitations / S. M. Petrova // Law. – 2024. – No. 8. – pp. 112-125.
12. Safaraliev F. M. Corporate disputes: concept, types, qualification criteria and judicial practice // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2025. – № 8.
13. Smirnova E. V. Subsidiary liability and limitation period: an analysis of the practice of the Armed Forces of the Russian Federation for 2024-2025 / E. V. Smirnova // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2025. – No. 4. – pp. 78-92.
14. Shaidullin A. I. Subordination of mandatory claims of controlling debtors and affiliated persons in bankruptcy cases of business companies: dis. ... kand. jurid. Nauk. – M., 2022.
15. Shevtsova M., Vatamanyuk V. Comments on the Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.10.2025 No. 302-ES25-4810 // Advocate newspaper: [website]. – 2025.